

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОЧИНЕНИЯ ДЕРЖАВИНА. Санкт-Петербург. В тип. И. Глазунова и К®. 1843. Четыре части. В 8-ю д. л. В I-й части -- 288, во II-й -- 300, в III-й -- 175, в IV-й -- 325 и XI стр.

Это, должно быть, *третье* издание полного собрания сочинений Державина. Оно полнее всех -- даже *смирдинского*;¹ снабжено биографическим очерком жизни поэта и "списком сочинений Державина в хронологическом порядке"; но, несмотря на то, оно все-таки не совсем полно: не приложено прозы Державина, его писем, рассуждения о лирической поэзии и проч.; портрет хорош, но он есть повторение портрета, приложенного к "Образцовым сочинениям", изданным в 1811 году². И однако ж это издание совсем не так дурно, как утверждают некоторые печатно:³ оно не только опрятно, даже красиво; есть несколько опечаток, но они выставлены, хотя, конечно, лучше было бы, если б не было ни одной опечатки.

К изданию г. Глазунова "Сочинений Державина" приложена статья "Жизнь Г. Р. Державина", написанная г. Савельевым, который смотрит на Державина не как на поэта, а как на человека, и с исторической точки зрения. Статья эта написана хорошо и содержит в себе много любопытных подробностей, но взгляд г. Савельева не везде верен. Г-н Савельев думает, что писать о Державине и его веке значит всем безусловно восторгаться, быть не историком, а панегиристом. Это самая ошибочная точка зрения! Она-то заставила сочинителя статьи необдуманно осудить весьма умную и верную характеристику поэзии Державина, сделанную г. Шевыревым в следующих словах: "Поэзия Державина - это сама Россия Екатеринына века, с чувством исполинского своего могущества, с своими торжествами и замыслами на Востоке, с нововведениями европейскими и с остатками старых предрассудков и поверий,-- это Россия пышная, роскошная, великолепная, убранная в азиатские жемчуги и камни и еще полудикая, полуварварская, полуграмотная,-- такова поэзия Державина во всех ее красотах и недостатках"⁴. Эти слова приводят г. Савельева даже в суеверный ужас; он говорит, что "ни у кого из русских поэтов чувство *человечности* и сознание достоинства *человека* не преобладает в такой сильной степени, как у Державина"... Ну, это едва ли так, потому что в век "милостивцев", "отцов и благодетелей", в век "меценатства" и "патронажества" могут быть только *фразы* о человеческом достоинстве, а не *чувство* человеческого достоинства...

Кстати о Державине: недавно в одном московском журнале были напечатаны стихи -- нечто вроде рифмованного exordium {вступления (*лат.*). -- *Ред.*} на какого-то "безыменного критика", который, в числе разных литературных преступлений, как-то: непризнание Ломоносова поэтом, ужаление Карамзина, обвиняется еще и в том, что "тронул Державина дерзкою рукою"⁵. Оно смешно, конечно, а ведь это уже не первая история... Сколько раз нападали, например, на нас за наши отзывы о поэзии Державина, и вот теперь наша мысль принята "Северной пчелою" (зри № 279 прошлого года) -- и никто не поет заклинаний ни стихами, ни прозою... Фельетонист этой газеты говорит, что "Державин дойдет к потомству с весьма легкою ношею, то есть с малым числом избранных стихотворений, а остальное погибнет в Лете", но что "имя Державина навеки останется незабвенным в истории русской литературы". Здесь наша мысль немного искажена: не с легкою ношею, а *весь* дойдет Державин до позднейшего потомства, как явление великой поэтической силы, которая, по недостатку элементов в обществе его времени, ни во что не определилась,-- и потому Державин весь будет всегда, как он уже есть и теперь, интересным фактом истории русской литературы. У Державина нет избранных стихотворений, которые могли бы пережить его неизбранные стихотворения, и всегда будут помнить, как помнят и теперь, не избранные стихотворения, а поэзию Державина... Далее, "Северная пчела" повторяет нашу мысль, уже не искажая ее: "Прошло только двадцать пять лет со смерти Державина, а уж его стихотворения точно как дорогие антики -- кабинетная редкость. Исключая отдельных фраз и стихов, большую часть стихотворений Державина теперь уже трудно читать... теперь уже так не пишут... Это язык, чуждый